

Две новые комедии

1. „Охотник“

В КОМЕДИИ Сергея Михалкова «Охотник» речь идет о печальных явлениях, о дрянных людях. Наглый карьерист Невидимский, присваивающий чужую научную работу, пройдоха Флюдов, живущий на содержании у вдовы академика, халтурщик Халунов, невежда и подкалывающий Выглазов, пожилая хищница Цианова и молодая хищница Простыкина — вот каких персонажей встречаем мы в этой пьесе. Невеселая компания!

Не загустит ли зритель от подобного «букета»? Нет, о зрителе спектакля «Охотник» этого не скажешь.

Какой это сложный и трудный жанр — сатирическая комедия! Она должна рассказывать вам о том, что, в сущности, совсем не смешно, но так, чтобы вы от души смеялись и ощущали радость победы над дрянью человеческой. С. Михалков — не новичок в сатире, он написал немало превосходных сатирических стихов, басен и упрямо ищет свой путь в сатирической драматургии. Он нашел талантливых единомышленников в Ленинградском театре имени Ленсовета. Режиссер Н. Акимов и актеры очень чутки к злему юмору этой пьесы.

Вот один из лучших эпизодов спектакля. Директор Института элементарной психологии Невидимский вызывает к себе научного сотрудника Халуновку, чтобы пробрать его за халтурные лекции. Он читает вслух письмо, полученное из Комм. Халуновки ездил туда с лекциями по психологии, но слушатели заинтересовались не столько лекциями, сколько самим лектором и обратились в институт с письмом, в кото-

ром сообщают о его бесстыдном рвачестве. Невидимский то и дело запинается, но Халуновка хорошо знает, что о нем могут написать, и подсказывает, как надо читать непонятные слова: лекция были комплиментарно, халтура безостановочной, отношение лектора к делу диничное... Артисты П. Панков (Невидимский) и Д. Бессонов (Халуновка) играют эту сцену с живым юмором. Прохвост Невидимский великопылен, когда бичует чужие грехи, а Халуновка как-то наивно простодушно в своем рассказании — он быстро соглашается со всем, что о нем пишут, он торопится, его ждут на очередной лекции.

И в этой и в других сатирических сценах Н. Акимов оберегает актеров от карикатуры — он ищет юмором в правде характеров, в точности найденных деталей.

...Раньше или позже, однако у нас возникает на спектакле вопрос: почему Невидимский, человек острого, ловкий, преуспевающий, решается на отчаянную авантюру — ставит свою подпись на чужой рукописи? А ведь в этом — самая суть комедии. Мы нередко читаем фальшивые о платителе, о людях, ворующих чужие мысли, чужой труд. Таков и Невидимский. Фальшетоист рассказывает, как было дело, изобличил негодяя, и этого может быть достаточно для фальшетоиста. От драматурга ждешь большего — он мог бы рассказать нам, откуда же берется Невидимский, понаесть в комедии не только жизненный факт, но и жизненное явление, породившее этот факт. Тогда, по выражению Маяковского, театр стал бы не «отображающим зеркалом», а «увеличивающим стеклом».

В речи на съезде писателей

С. Михалков говорил, что сатира требует крупных мишеней. Отлично сказано! Конечно, крупная мишень — это совсем не то же самое, что крупный чин, видная должность. Присыпаны в «Нполе» Вл. Маяковского вообще никаких чинов не имеет — это рядовой поплак, «обыкновенный вульгарист», но он олицетворяет громадное явление. И Невидимский, может быть, стал бы таким же «явлением», таким же большим сатирическим обобщением, если бы драматург не только показывал, но и объяснял его.

В той же речи С. Михалков высказал и другую интересную мысль: о том, что драматург-сатирик не обязан делать главными действующими лицами положительных персонажей, что их в комедии может и вовсе не быть, если автор сумеет вызвать в зрительном зале смех, разный отрицательных персонажей. Может быть, это и так. Во всяком случае, незачем драматургу искать арифметическое равновесие между «плюсами» и «минусами», между персонажами положительными и отрицательными. Но как раз в «Охотнике» много таких лиц, чье присутствие на сцене можно объяснить лишь одним — автор напоминает нам, что в квартире, где живет Невидимский, и в учреждении, где он работает, есть еще другие, хорошие люди. Нечего делать в пьесе милому старику, механику-самоучке Кокореву, так же как и славной старушке Ольге Кирилловне и юным, жингеродным студентам. Сюжет развивается без их участия.

Как хорошо было бы, если б автор был до конца верен собственным вкусам и взглядам! У С. Михалкова нет вкуса к умиленным

сценам — и незачем было писать такие сцены. Он ваял в драматургии курс на острую сатиру — и незачем ему останавливаться на полпути.

2. „До новых встреч“

ЖИЛИ-БЫЛИ две подружки — Люся Иванова и Люся Шергина. Конечно, обе мечтали о большом киноманном пути, о счастье. Но случилось так, что счастье пришло только к одной из них.

Если не ошибаемся, слово «счастье» в этой пьесе не встречается. Ее герои и героини избегают громких слов, а автор — правдолюбивый Александр Гладков неторопливо рассказывает в своей комедии историю двух девушек, родившихся в захолустном городке Глебовско, и предлагает зрителям познакомиться в человеке «зерно» его будущего, его судьбы. Советская жизнь открыла перед двумя подружками одинаково широкие пути, но их судьбы сложились по-разному. Почему же?

У зрителей, посмотревших спектакль театра имени Ленсовета, не остается недоумения ни по этому счаст. Молодая актриса Э. Шарро, играющая роль Люси Ивановой, умеет сделать сценический образ удивительно прозрачным — вам понятны и близки все ее помыслы. Люся души не чаёт в своей подружке, красивой и самоуверенной Люсе. Обе они окончили школу, обе собираются ехать в Москву учиться, но за несколько дней перед отъездом случилась неприятность. Люся размечталась на рассвете, не спала и опоздала на работу. Прогрул Правда, дело можно исправить — аналогичный врач предлагает Люсе дать болю — не такое уж преступление прогулять одну весеннюю ночь. Нужен только маленький компромисс со своей совестью, нужно немного

солгать товарищам, но как раз на это Люся, к ее же огорчению, совершенно не способна. И пути девушек расходятся — Люся уезжает в Москву одна, навстречу блестящему, как ей кажется, будущему, а Люся остается в своем захолустном Глебовско.

С этого начинается в пьесе «история души» Люси Ивановой. Идут годы, картина сменяется картиной, и в канвой их них мы узнаем о Люсе что-нибудь новое. Жизнь ее оказалась очень трудной, но она и не мотала о другой.

И вот — встреча в Москве с подружкой, которую она не видела много годы. Чудно реагирует артистический зал на игру З. Шарро в сцене встречи двух подружек. Люся говорит, что она научилась на фронте отчаянно пить водку, а зрители отчаянно аплодируют интонации актрисы, ясно говорящей о том, что Люся осталась все той же скромной и чистой девочкой. Люся рассказывает, как она нахально разговаривала с одним руководящим работником, а артисты снова не верят ей и аплодируют — они знают, что ничего подобного быть не могло, что Люся никогда и нигде не изменит себе.

Успех актрисы в этой роли особенно примечателен потому, что комедийный положительный образы на наших сценах еще более редки, чем образы сатирические. Люся Иванова в исполнении З. Шарро — это по-настоящему комедийный и по-настоящему благородный образ.

Автор и актриса А. Еленсева смеются — но очень добродушно, сочувственно — над другой героиней спектакля. Людмилей Шергиной. Люся не поверила, что перед ней открыт широкий путь к счастью, она искала обходных тропинок — и заблудилась в тупик. Актриса очень точно характеризует свою героиню, находит в ней сначала не приметные, а потом все более яв-

ственные черты душевной сухости, потребительского отношения к жизни — все то, что привело ее к краху надежд и горькому разочарованию в своих силах.

Автор пьесы чутко и в правде слова на сцене, в правде телесческих характеристик и менее выискателен и в правде сюжета, сценических положений. Он ввел в пьесу множество побочных сюжетных линий, мешающих одна другой, и потому кое-где в спектакле пропадает ощущение живичной достоверности событий. Автор механически вписывает в число действующих лиц таких, видимо, интересных людей, как строитель новых городов Соколов (арт. А. Эстрин) или, сыном, летчик-герой Шаталин (арт. Г. Аничин), но им попросту не хватает места, воздуха в пьесе. А. Эстрин надоедает своего героя некоторой долей мечтательности, Г. Аничин вносит в исполнение роли Шатилина некоторую дозу юмора — и это все, что могут сделать актеры с такими ролями.

Режиссер О. Ремез превосходно понял, что самое ценное и привлекательное в пьесе — образ Люси Ивановой, и удержал его больше всего внимания, но очень тревожась за сценичность, судьбу других персонажей. Он был до некоторой степени нерасчетлив — порывы картины спектакля идут в явном ритме, проходит немало времени, прежде чем артисты начинают понимать, что они пришли на комедию.

Но спектакль, начинающийся как то безжизненно, к концу никого не оставляет равнодушным. Наверно, зритель, не только увидев, но и хорошо узнав в спектакле Люсю Иванову, выйдет потом среди людей, которых он встречает каждый день, таких же неэффективных с виду людей с золотым сердцем и станет лучше понимать, больше любить их. Значит, он недаром побывал в театре.

Я. Варшавский.